

Зачем Ильенков?

Зачем люди вообще отмечают юбилеи? Разумеется, в первую очередь это хороший повод для банкетов и торжественных мероприятий, оставляющих своеобразный осадок бессмысленного, но обоснованного удовольствия. А для тех, кто действительно склонен размышлять о смысле социальных явлений и человеческих биографиях, это повод в очередной раз задуматься, порассуждать и поспорить о значении того или иного события или деятеля прошлого. Если же мы говорим о мыслителе, то неминуемо возникает вопрос об актуальности его идей и об их переоценке или новой интерпретации.

Так что столетний юбилей Эвальда Ильенкова — хороший повод поговорить не только о нем, но и вообще о недогматическом марксизме в Советском Союзе. И не будет преувеличением сказать, что трагическая судьба философа оказалась своего рода метафорой судьбы марксизма в СССР.

В конце концов Ильенков оказался нужен всем — одним, чтобы доказать, что в советской жизни все-таки было место для настоящей философии, не сводившейся к начетническому повторению заученных формул и псевдоинтеллектуальному изложению партийных постановлений, другим — как исходная точка для движения «от марксизма к идеализму». Правда, в последнем случае ильенковская школа, делающая основной упор на развитие и обоснование диалектического мышления, тоже оказалась в известной степени маргинальна. Убегая от Маркса, российские интеллектуалы очень часто проскакивали мимо диалектики Гегеля, предпочитая ему Канта. Этот поворот или возвращение к Канту, конечно, не декларировались в качестве какого-то общего тренда, но все же наглядно обнаруживаются при любой попытке каких-то обобщений относительно интеллектуальных настроений, доминировавших в постсоветской России (если, конечно, иметь в виду тех, кто действительно думал, а не просто симулировал мыслительную деятельность).

Однако постсоветская Россия закончилась 24 февраля 2022 года. И в новой общественной жизни, которая надвигается на нас угрожающей неопределенностью (одновременно суля шансы перемен), мы снова обнаруживаем, насколько нам необходимо, насколько спасительно диалектическое мышление. А это значит, что мы снова обращаемся к Ильенкову — не для того, чтобы объяснить истоки своих текущих позиций, а для того, чтобы использовать тот самый метод мышления, который он отстаивал.

Парадокс состоит в том, что драмы и даже трагедии позднесоветского времени могут показаться не такими уж страшными на фоне того, что переживается российским обществом в начале XXI века. Да, Ильенкову приходилось несладко, на него постоянно нападали чиновники от идеологии, у него были проблемы с изданием книг, его вынудили уйти с преподавательской должности в Московском университете. Но книги все же выходили, становясь каждый раз событием для всех, кто интересовался философией. И даже сам факт нападок, с которыми сталкивался мыслитель, свидетельствовал о том, что в тогдaшнем обществе к идеям относились серьезно. В них видели реальную силу, часто даже угрозу.

Наступившая позже эпоха прагматики сводит ценность идей к их цене на рынке, где продается и покупается все, включая теории. В этом плане даже Ильенков рискует превратиться в очередной интеллектуальный бренд, вполне пригодный для продажи в качестве своего рода философского винтажа. Времена бегства от марксизма ушли в прошлое — увы, вместе с серьезным отношением к теоретической мысли вообще. Жесткое притеснение тех, кто позволяет себе неодобряемое поведение (не только политическое), вполне может сочетаться с равнодушно-безразличным попустительством по отношению к идеям. В этом плане свободы стало намного больше, но смысла — куда меньше.

И тем не менее объективная ценность критического и диалектического мышления не только не снижается, но, наоборот, многократно возрастает. Оно необходимо, чтобы не дать захлестнуть себя поверхностностью, не поддаться на иллюзию очевидности, не уступить той самой «объективной видимости», на которую ссылался Бертольд Брехт, напоминая, что наш жизненный опыт вообще-то убедительно свидетельствует, что Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот.

Наследие Ильенкова важно для нас именно потому, что он не только опирался на Гегеля и Маркса, но и применял их наследие уже к совершенно иной реальности, радикально непохожей на ту, в которой формировалась диалектическая философия. Обращаясь снова к этой традиции в мире, вновь радикально изменившемся, мы тем более нуждаемся в образцах того, как теория при столкновении с реальностью не превращается в набор устаревающих формул, а сама себя обновляет. Маркс — на его счастье — еще не знал ни про потребительское общество, ни про советскую бюрократию, ни про тоталитаризм. Его вера в прогресс естественно укладывалась в общее настроение эпохи, наблюдавшей одновременное поступательное развитие техники, социальных отношений и политических институтов. Это развитие было неравномерным, противоречивым и несвободным от эксцессов, что как раз наглядно фиксировалось самим Марксом, сравнивавшим движение общественного прогресса с колесницей Джаггернаута, которая движется вперед, не задерживаясь из-за раздавленных ею адептов собственного культа. XX век сполна показал нам именно эту темную сторону прогресса, что прекрасно сознавали критические марксисты 1960–1970-х годов — не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Однако следующее столетие бросило нам еще более серьезный вызов: не только марксизму, но и всей традиции европейской мысли со времен Просвещения и даже Спинозы с Декартом. Прогресс то и дело оказывается не просто обратимым, но и обесцененным, бессмысленным. Вместе с тем под сомнение ставится и сама необходимость познания как *инструмента преобразующего действия* — как раз это было центральным для методологии ильенковского марксизма. Не просто движение от абстрактного к конкретному, но именно их неразделимость, их диалектическое единство, которое реализуется в конечном счете не на страницах книги (будь то «Капитал» или «Об идолах и идеалах»), а в совокупной общественной практике. Теория тут значима именно потому и постольку, поскольку работает в жесткой сцепке с конкретным знанием, помогая практически изменять общество и мир вокруг нас.

Новая эпоха, когда ильенковские «идолы», казалось бы, однозначно и решительно восторжествовали над идеалами, ставит вопрос уже не о вере в прогресс, а о его возможности. Однако в том-то и цель философского мышления, чтобы выйти

за пределы веры и неверия, поставив задачу понимания естественной логики процессов, через которые развиваются и человеческое общество, и человеческое знание. Нам надо не вновь поверить в прогресс, а понять его — со всеми его противоречиями, трагизмом и травмами. Понять и научиться снова за него бороться.

Очень многим в этом помог Ильенков. И очень многим еще поможет.